

УДК 1(091)

ГЕРАКЛИТ В ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ: К СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУССИИ (1980–2020-е ГОДЫ)

Г.В. Бисеров

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.152

В статье проанализирована дискуссия о взаимосвязи Гераклита и Ницше в научной литературе за последние 40 лет. Предложены критерии для систематизации подходов к рецепции Гераклита Ницше, выборочно рассмотрены работы А. Дженсена и М. Тонса и Д. Мандалиоса и более общие интерпретации Г. Вольфарта, К. Кокса и М. Мейера, предлагающие соотнесение первых попыток специального анализа рецепции Гераклита Ницше с общими положениями ницшевской философии. Тематически анализ сфокусирован на онтологическом тезисе Ницше о становлении (*Werden*) и эпистемологических тезисах об истине и интуиции. Обнаруживается, что полноценная историко-философская реконструкция Гераклита в рецепции Ницше пока не проведена и является актуальной темой для дальнейших исследований философии Ф. Ницше.

Ключевые слова: Ницше, Гераклит, онтология, эпистемология, бытие, становление, *Werden*.

Введение

Известна критическая позиция Ф. Ницше по отношению к коллегам по цеху – философам. Редкое исключение сделано для Гераклита, которого Ницше называет самым близким по духу философом, в компании которого «становится теплее и уютнее, чем где-либо еще» [5, с. 235]. О том, что Гераклит сыграл значительную роль в становлении философии Ф. Ницше, говорили и писали еще в начале XX столетия¹. Сегодня история рецепции идей Гераклита у Ницше предстает старой-новой темой: очевидной и как будто бы не требовавшей объяснений для первого поколения интерпретаторов Ницше, затем преданной забвению, а теперь вновь открываемой современными комментаторами. Объем и обилие ссылок на Гераклита в современных исследованиях Ницше актуализируют, с одной стороны, анализ и систематизацию подходов к рецепции Гераклита у Ницше, а с другой – историко-философскую реконструкцию рецепции Гераклита у Ницше, которая стала наконец возможной благодаря новым источникам².

В настоящем обзоре рассмотрены исследования рецепции Гераклита Ницше за последние 40 лет. Вначале кратко перечислены общие направления дискуссии, затем выборочно рассмотрены несколько специальных исследований А. Дженсена, М. Тонса

¹ Анализ соответствующего периода рецепции (1890-х – 1930-х гг.) будет предметом другой статьи автора.

² Ранние фрагменты Ницше 1858–1868 гг., впервые опубликованные в первых двух сериях критического издания Колли и Монтинари (КGW) в 1990-е гг., комментированные издания – переводы базельских лекций о доплатониках, осуществленные П. Д'Иорио (1995) и Г. Уитлоком (2001), а также издание персональной библиотеки Ницше и факсимильное издание черновиков Ницше, подготовленные в Веймарском архиве Ницше.

и Д. Мандалиоса и более общих интерпретаций Г. Вольфарта, К. Кокса и М. Мейера, предлагающих соотнесение первых попыток специального анализа рецепции Гераклита Ницше с общими тезисами о ницшевской философии. В обзоре использованы два самоограничения: рассмотрены преимущественно немецко- и англоязычные тексты, а тематически обзор сфокусирован на «философском ядре», включающем онтологический тезис Ницше о становлении (*Werden*) и эпистемологические соображения об истине и интуиции. Эта сфокусированность, возможно, выбрана в ущерб рассмотрению других, более широких, в том числе эстетических, антропологических или культурно-исторических параллелей между Гераклитом и Ницше.

Результат исследования свидетельствует о том, что, несмотря на широту интерпретаций и обилие референций к Гераклиту в контексте изучения философии Ф. Ницше в современной литературе, тщательная реконструкция рецепции Гераклита у Ницше пока не проведена, и только недавно начались первые попытки связать ту или иную интерпретацию или отсылку к Гераклиту с полноценным контекстным чтением рецепции Гераклита у Ницше. В действительности пока лишь одна работа – исследование Г. Вольфарта – может считаться соответствующей этому методологическому критерию.

I. Контуры дискуссии

Современные интерпретации философии Ф. Ницше можно разделить на (1) общие интерпретации, которые упоминают Гераклита и так или иначе сообщают о влиянии Гераклита на Ницше без специального рассмотрения, (2) интерпретации, которые вообще не учитывают гераклитовскую сторону философии Ницше, и (3) специальные исследования на тему отношения Ницше к античности вообще либо к Гераклиту в частности. В свою очередь, современные интерпретации роли Гераклита у Ницше можно подразделить на герменевтические и аналитические. Первые предпринимают попытку реконструировать контекст рецепции Гераклита у Ницше и соответствовать этому контексту, в то время как вторые выбирают те или иные аргументы и параллели в мысли Гераклита и Ницше, иногда некритически воспринимая оптику, используемую для восприятия этих аргументов. Наконец, интерпретации Ницше можно также разделять на (I) метафизические, предполагающие ту или иную метафизическую позицию у Ницше, (II) антиметафизические, отрицающие наличие у Ницше метафизики или позиции по поводу действительности вообще, и (III) синтетические, стремящиеся так или иначе выйти за рамки вопроса о наличии метафизики у Ницше.

Среди примеров англоязычных метафизических интерпретаций, выполненных в рамках аналитической традиции и вне Гераклита, можно выделить М. Кларк [24] и Дж. Берри [15]. В этом же направлении движутся интерпретаторы Ницше, упоминающие Гераклита, но как будто не сведущие об упоминаниях Гераклита в ницшевских лекциях и в его ранней работе «Философия в трагическую эпоху греков» (далее – ФТЭ), в частности, К. Браун [18]. Дж. Митчелл [47] разрабатывает концепцию критики Ницше метафизики, но обходится без упоминаний Гераклита. С другой стороны, А. Нехамас [50] и Р. Рорти (1989) [59] без учета Гераклита Ницше выступают за внеметафизическое (II) прочтение Ницше, согласно которому, по выражению Рорти, Ницше предлагает «отбросить саму идею “знания истины”» [59, р. 27].

Широкие метафизические интерпретации ницшевской онтологической позиции, признающие влияние Гераклита на Ницше, включают работы Р. Шахта [61], П. Пёльнера [52] и Г. Абея [10], упоминающие Гераклита в контексте более широких интерпретаций ницшевской метафизики «воли к власти». Среди «континентальных» внеметафизических (II) интерпретаций следует отметить В. Мюллера-Лаутера [48] и Я. Деллингера [29]. Мюллер-Лаутер утверждает, что Ницше не только развивает онтологию антагонистических сил, которая делает реальность противоречивой, но и

привержен различным доктринам, таким как вечное возвращение и сверхчеловек (*Übermensch*), которые не согласуются друг с другом. В то время как некоторые по этой причине отвергают или игнорируют мысль Ницше о вечном возвращении, Мюллер-Лаутер считает, что такие логические несоответствия на самом деле вытекают из онтологии антагонистических сил Ницше. В результате их следует понимать как существенную часть его философского проекта [48, p. 79].

Отдельно нужно отметить влиятельные герменевтические работы Т. Борше [17] и В. Герхарда [31]. Борше говорит об «изобретении» Ницше досократиков и анализирует для этого ФТЭ и лекции о доплатониках, Герхард рассматривает *Werden* в контексте Гераклита. Во французском ницшеведении того же времени можно отметить работы Ж. Годера, в которых как разрабатывается специальный анализ ницшевской рецепции Гераклита [32], так и выстраивается более общая экзистенциальная схема прочтения Ницше, связанная с рецепцией Гераклита [33].

С. Кофман [41] описывает интерпретацию Ницше досократиков в противопоставление реконструкциям Аристотеля и Гегеля, полагая, что для Ницше археология античной мысли означает принципиально иной жест. Для Ницше, по мнению Кофман, «раскапывание» первых философов означает не превращение их беспристрастной неясности в концептуальную ясность, а, скорее, возвращение им их действительной формы. Кофман видит ницшевскую передачу этой формы не как форму особой «истины», а как форму «красоты». Метод Ницше в данном случае, по мнению Кофман, заключается в том, чтобы читать древних греков как древний грек, иными словами, стремиться не навязывать собственных когнитивных схем при этом чтении. Таким же образом Ницше просит читать и его самого, таким же образом «отдельную вселенную» для него составляет и Гераклит. И, как показывает практика, более успешными оказываются те интерпретации Ницше, которые также стремятся к чтению Ницше на его языке.

Д. Ричардсон [58] полагает возможным соединить ницшевскую критику бытия с платоновской метафизикой и использует для этого в том числе анализ становления в «Кратиле» и «Теэтете». Ричардсон, как и П. Пёльнер, представляют современное направление вчитывания платоновской метафизики в философию Ницше. Ричардсон обращается к Гераклиту большое количество раз, однако не разрабатывает контекст ницшевского чтения Гераклита, а, скорее, представляет через Гераклита физикалистский тезис о становлении как чувственно данным факте.

В рамках внеметафизического подхода А. Пржибиславски [53] проблематизирует само использование у Ницше терминов *Werden* и *Wille zu Macht* для означивания становления, полагая, что использование точных толкований противоречит гераклитовскому подходу Ницше к отказу от бытийного предиката: «Ницше хочет найти имя для неизменного, а это то, чего не пытался сделать Гераклит, выражающий противоположный образ мышления. Всё перечисление гераклитовских метафор в конечном счете бесполезно, поскольку оно отменяется именем (существительным. – Прим. автора), от которого следует отказаться» [53, p. 94]. Работу Пржибиславски можно считать радикально-лингвистической трактовкой Гераклита Ницше, которая требует для настоящего отказа от бытия в пользу становления таким же образом очищать язык от бытийного предиката.

Э. Мюллер в обширной монографии [49], посвященной контекстуализации Ницше в древнегреческой культуре, продолжает традицию герменевтической интерпретации Ницше. Мюллер обращается к Гераклиту и Пармениду как двум полюсам древнегреческой мысли, противопоставлению милетской философии становления и элейской философии бытия, между которыми Ницше в первый раз формулирует собственную философскую позицию [49, p. 139–162]. По мнению Мюллера, Ницше в этом процессе многое вчитывает в обоих мыслителей. В частности, Ницше присваивает Гераклиту

доктрину становления, несмотря на то, что во фрагментах Гераклита становление (*γίνεσθαι*) не употребляется. Важный тезис, прозвучавший в книге Мюллера, заключается в утверждении первичности диалога Ницше с древнегреческой мыслью для формулирования собственной философии. Об этом свидетельствует и наш разбор [2], в котором сравниваются ФТЭ и лекции Ницше на предмет использования тезисов Шопенгауэра.

Из последних современных работ можно отметить статью Р. Решке [57], в которой выдвигается тезис о приоритетности фрагмента В52 для интерпретации Гераклита Ницше, освещается важная связь между Гераклитом Ницше и чтением Ницше Гёльдерлина и подчеркивается примат эстетического в интерпретации философии Ницше в целом. Решке вновь обращается к одной из важных дилемм Ницше, к противопоставлению художника и философа (см.: [6]), и полагает, что через фигуру Гераклита это противопоставление трансцендируется: «Понимая эту игру как художественную, Ницше не только удается отождествить логос и искусство: сам Зевс и весь космос становятся мировым художником (“Художественная игра космоса”), а Гераклит – философом, обладающим “оптимизмом художника”» [57, s. 506]. Сходный подход во французском ницшеведении отстаивает Ф. Миллс [46].

Подводя итог этому максимально сжатому обзору периметра современной дискуссии³, можно констатировать, что большинству указанных работ недостает контекстного чтения Гераклита Ницше, учитывающего ранние работы Ницше о Гераклите (в первую очередь конспекты лекций о доплатоновских философах), источники, на которые опирался Ницше, и интерпретацию Гераклита Ницше в ранних черновиках (*Nachlass*). Перейдем к нескольким специальным исследованиям, которые предпринимают такие попытки.

³ Отдельные аспекты взаимоотношения Ницше и Гераклита проанализированы в работах К. Джентили [30] (фрагмент В56 и афоризм 372 «Веселой науки»), агональная природа становления освещена в работе У. Карьон-Караведо [21], вопрос гераклитового понятия «справедливости» у Ницше и Хайдеггера освещен Ч. Бамбаком [14]. Г. Хайт суммирует ценные историко-философские сведения, расширяющие контекст работы Ницше над Гераклитом в базельский период [36]. Отметим также статьи П. Диорио [27] и Г. Уитлока [67], вводящие в оборот соответственно французскую и английскую версии «Доплатоновских философов». Каждая из них представляет собой краткий конспект формулирования мысли Ницше о досократиках, в том числе о Гераклите. Статьи Й. Томпсона [63] и К. Энселл-Пирсона [11] признают историческую несправедливость, случившуюся с базельскими лекциями о доплатоновских философах в вопросе важности этого источника для интерпретации Гераклита Ницше, отмечая, что до сих пор, особенно в англоязычной литературе, ведущее место лекций по отношению к ФТЭ многими пока не осознано. Перечислим также для полноты еще ряд авторов, публиковавших за последние 40 лет работы на тему Гераклита у Ницше. Обзоры Ницше в контексте древнегреческой философии/филологии выполнили Х. Канцик [20], Б. Бабич [13], Н.Р. Доу-Нэй Эванс [28], Д. Уилкерсон [68]. Небольшие специальные исследования на тему Гераклита Ницше провели на французском языке Ф. Миллс [46], Ф. Шуле [22], К. Рапп [54], А.Ж. Фёльке [66]. На немецком языке: Л. Тот-Ковач [65], Д. Ратнер [55]. На английском языке: В. Паркхёрст [51]. На испанском языке: У. Карьон-Караведо [21], Х.Р. Арана [12]. На итальянском языке: К. Россильоне [60], П. Кьяраволо [23], И. Леврини [42]. В русскоязычной литературе отдельные темы затронуты в классических работах о Ницше и античности (например, у Ф. Зелинского [3] и Е. Трубецкого), а также в нескольких современных ницшеведческих статьях (см.: Фаритов [7], Колесников [4]).

П. Гюнтер Вольфарт. Мир как игра: Ницше и фрагмент В52

В 1991 г. выходит малоизвестная за пределами немецкого ницшеведения монография Г. Вольфарта [69], посвященная разбору рецепции Ницше Гераклита, и в особенности фрагмента В52. Эта работа оказывается первой монографией, полностью сфокусированной на рецепции Ницше Гераклита. Впервые рассматриваются историко-филологический контекст рецепции Гераклита Ницше [69, s. 210–214], вопросы влияния современного для Ницше уровня исследований о Гераклите на рецепцию Ницше [69, s. 214–220], а также новизны прочтения Ницше и его заслуг как исследователя Гераклита [69, s. 265–275]. В целом книга Вольфарта знаменует собой начало нового «внимательного» этапа историко-филологических исследований Ницше и тем самым является продолжением работы Шлехты и Андерс [62].

Признавая очевидную близость Гераклита и Ницше, Вольфарт так ставит вопрос: «Вычитал ли Ницше свою философию из Гераклита или же он вчитал ее в Гераклита?» [69, s. 215]. Исследователи до Вольфарта разделялись в этом вопросе на два лагеря: так, Хайдеггер и Ясперс полагали, что Гераклит в рецепции Ницше имеет очень отдаленную связь с оригинальным Гераклитом, в то время как, например, Левит видел, что Ницше многое почерпнул у Гераклита непосредственно. С помощью тонкого и подробного историко-философского и филологического анализа Вольфарту удается показать, насколько сведущим читателем Гераклита был Ницше и – одновременно – насколько нестандартной, нефилологической и внеисторической оказывается интерпретация Гераклита у Ницше.

Одним из условий успеха Вольфарта в анализе рецепции Гераклита Ницше является выбор источников для реконструкции. Вольфарт рассматривает базельские лекции Ницше как основной источник и впервые верно с историко-философской точки зрения определяет как их значимость для понимания Гераклита у Ницше, так и взаимосвязь с ФТЭ: «Ядро ницшевых занятий Гераклитом вообще и фрагментом В52 в частности составляют связанный с Гераклитом 10 параграф базельских лекций о доплатах и вытекающие из него главы 5–8 ФТЭ» [69, s. 301]. С дотошностью классического филолога Вольфарт затем перечисляет каждый фрагмент Гераклита, упомянутый в том или ином виде в десятом параграфе лекций и в ФТЭ.

Далее у Вольфарта рецепция Ницше впервые вписана в круг известных Ницше исследователей античности – Бернайса, Целлера, Лассалья и других, что предоставляет очень ценный контекст для интерпретации собственно ницшевого чтения. Подробно освещены заимствования Ницше у Бернайса в лекциях, в том числе о внетелеологическом характере игры и о противопоставлении Гераклита и зороастризма, а также точки расхождения Ницше и Бернайса. Ряд заимствований Ницше у Бернайса в лекциях опущен и будет обнаружен лишь в позднейшее время (см.: [34; 35]). Описано дистанцирование Ницше от телеологических трактовок Гераклита вслед за Бернайсом.

Вольфарт дает подробный разбор фрагмента В52 и его рецепции в немецком гераклитоведении XIX столетия. Кроме того, он подробно анализирует в исторической перспективе упоминания Ницше фрагментов Гераклита, начиная с заметок 1870-х гг., а также кратко рассматривает контекст создания базельских лекций и ФТЭ. Поднимается и вопрос о понятии зона, которое, по мнению Вольфарта, в оригинале Гераклита обозначает человеческую жизнь, а Бернайсом и Ницше вслед за Ипполитом и христианскими трактовками гипостазировано до понятия «мировое дитя», демиурга, мирового принципа [69, s. 272].

Для Вольфарта центром ницшевого гераклитства является как раз его приверженность к В52, которая позволяет соединить эстетическое и натуралистическое начала Ницше в гармоничной концепции. Превосходя Бернайса, Ницше, по мнению Вольфарта, понимает «космическую креативность» демиурга-зона как творческую

креативность и противоположность мирового процесса гармонического противостояния в смысле некоего эстетического мировосприятия. По мнению Вольфарта, Ницше менее интересовала *правильность* того или иного прочтения, чем «истина» Гераклита. Ницшевская истина Гераклита нераздельно связана с тем, что Ницше называл «эстетическим мироописанием» Гераклита. Это *эстетическое*, соответственно, *художественное понимание Гераклита Ницше* есть заслуга ницшевской рецепции Гераклита, по мнению Вольфарта. Данный тезис направляет Вольфарта в область более подробного рассмотрения ницшевской эстетики и определения игрового понятия искусства и интерпретации мира как искусства.

Главный философский тезис Вольфарта заключается в том, что фрагмент B52, «Эон – дитя, играющее...», является связующим и главным для всего образа Гераклита у Ницше. Через этот тезис связываются и тезисы о противоположности (единстве противоположностей), и тезисы о становлении, и о борьбе, и о справедливости (δίκη). С философской точки зрения работа Вольфарта также ценна, поскольку она предлагает новый взгляд на иерархию Гераклита Ницше и подробно обосновывает первенство B52 в этой иерархии. Таким образом, работа является «узким» исследованием одного фрагмента лишь на первый взгляд: во-первых, этот фрагмент в работе оказывается связан с другими основными фрагментами у Ницше, во-вторых, через этот фрагмент обосновывается весь Гераклит Ницше.

Вольфарт также впервые ставит вопрос о том, каковы были достижения Ницше в изучении античности, что для дальнейшей дискуссии, начиная с 2000-х гг., становится одним из ключевых направлений исследований раннего Ницше [36]: «Заслугой Ницше является скорее не открытие досократиков из перспективы классической филологии, а дохайдеггеровское открытие досократиков для новой философии; его заслуга – “отвоевание античной почвы” “из высшей силы настоящего”» [69, s. 267]. Ницше, по мнению Вольфарта, понимает – иначе, чем Гегель – доплатоновское мышление не как только прелюдию (пост)платоновского. Ницше трактует «катабасис» к древности как «анабасис». Путь мысли Ницше назад есть его путь вперед, его возврат к Античности для Вольфарта означает то же самое движение, что и его опережение (пост)модерна [69].

В целом работа Вольфарта впервые рисует подробную картину ницшевского понимания Гераклита. Оказывается, что Ницше, с одной стороны, во многих местах был современен и точен в прочтении Гераклита, а с другой – черпал свое прочтение существенным образом из трудов Бернайса. Работа Вольфарта чрезвычайно ценна с историко-философской и справочной точки зрения. Однако ей, возможно, не хватает философской глубины: на контрасте с работой Вольфарта проявляется разница между современными немецким и американским ницшеведением, а именно «опасливость» немецкого ницшеведения в сравнении с «дерзостью» американского (англоязычного). Кроме того, Вольфарт начинает реконструкцию с базельских лекций, хотя в анализ можно было бы включать и ранние фрагменты 1860-х гг. и начала 1870-х гг., вышедшие в KGW и демонстрирующие возникновение и эволюцию интереса Ницше к Гераклиту.

III. Кристоф Кокс. Τὰ πάντα ῥεῖ как эпистемологическая перспектива

Кристоф Кокс в статье 1998 г. [26] и в опубликованной диссертации 1999 г. [25] демонстрирует совершенно противоположный взглядам Вольфарта подход, который, однако, также приводит его к признанию необходимости обратиться к Гераклиту Ницше для интерпретации ницшевской философии. Работа Кокса в целом подчинена аналитической методологии и в то же время приходит к постмодернистским результатам: вместо длительных археологических раскопок автор фокусируется на одном вопросе и аргументационных стратегиях поиска удовлетворительного ответа. Кокс впервые ставит напрямую вопрос о «ловушке становления», а именно: как пояснить

очевидное противоречие между тезисом о становлении всего сущего и эссенциализмом, присущим этому тезису⁴? Этот вопрос, так или иначе присутствующий в интерпретации онтологической позиции Ницше со времени монографии Бертрама [16], также разделяет интерпретаторов ницшевского становления на два лагеря: для одних становление в той или иной форме представляет собой метафизическую позицию, в то время как для других такая позиция невозможна, и тезис о становлении необходимо трансцендирует вопрос о бытии. Кокс, таким образом, осуществляет критику диалектического и неокантианского прочтения Ницше, для которых становление представляет собой кантовский ноумен [25, р. 170–176].

Для удовлетворительного ответа на поставленный им вопрос Кокс обращается к Гераклиту: «Проблема растворяется, если мы поверим Ницше на слово, отвергнув кантианское прочтение и приписав ему строгий антидуализм и антиметафизику. Это, конечно, потребует другого понимания становления. А для этого мы должны обратиться к Гераклиту Ницше» [26, р. 51]. Далее Кокс выдвигает пять тезисов о становлении [26, р. 55–57]:

- 1) Становление – это не «вещь в себе» и не ноумен. У становления нет субстрата, внутреннего бытия.
- 2) Становление следует рассматривать физически, натуралистически.
- 3) Становление не имеет цели.
- 4) Становление имеет агональный характер.
- 5) Становление захватывает и эпистемологическую перспективу.

Если первые четыре пункта на момент выхода публикации Кокса уже являются общим местом, то последний тезис добавляется впервые, трансцендируя бытие через понятие становления в ультимативный перспективизм: «Ницше и его Гераклит обнаруживают невозможность противопоставления между знанием и бытием, эпистемологией и онтологией, которые делали бы нас зрителями и выводили бы нас за пределы арены становления. Наоборот, они бросают нас на арену и в борьбу, которая является не только борьбой между вещами, но и состязанием интерпретаций» [26, р. 59].

Трудно оценить возможность подобного перспективистского прочтения Гераклита с точки зрения аутентичности, но этот вопрос Кокса не интересует. В его работе речь идет исключительно о Гераклите Ницше, а из перспективы философии Ницше проблематичным оказывается лишь то, что Кокс находит всего одну цитату из ФТЭ для подтверждения своего критически важного тезиса [26, р. 58]. Отмечая, что центральной фигурой ФТЭ является Гераклит, Кокс фокусирует свое чтение Гераклита у Ницше на ФТЭ, упуская из виду (в отличие от Вольфарта) более глубокий и теоретически фундаментальный текст лекций. Если добавить в этот контекст, например, лекции о доплатониках и лекции Ницше о Платоне, то возможно было бы подобрать дополнительный материал для рассмотрения *Werden* в качестве эпистемологической перспективы, происходящей из *πάντα ῥεῖ*.

IV. Энтони Дженсен. Попытка контекстной интерпретации

Э. Дженсен в статье 2010 г. [38] представляет «немецкую» школу герменевтики в американском ницшеведении. Отмечая дистанцию между ранним Гераклитом и Гераклитом в «Ессе Ното», он полагает невозможным прямое сопоставление позиций позднего Ницше с Гераклитом, критикуя и Хершбелла [37], и Кокса за внеконтекстный

⁴ См. дискуссию о «парадоксе перспективизма» Ницше: [40, р. 154], а также [56, р. 217] и [19, р. 10–11].

подход. Далее он отмечает важность определения дистанции между Гераклитом Ницше и интерпретациями Гераклита современности, в том числе критикует Хершбелла за использование реконструкции Керка и Равена [39]. Необходимый контекст интерпретации Ницше, по мнению Дженсена, включает «переплетение филологических исследований античности, посткантианского научного натурализма, романтически окрашенных мировоззрений Шопенгауэра и Вагнера, психологии и историографии» [38, р. 336].

У Дженсена, возможно, впервые должное место получает персонализм Ницше в контексте его чтения Гераклита. Он обнаруживает параллель между превозношением Ницше персоны Гераклита и тезисом, высказанным в «Пользе и вреде истории для жизни»: «Акцент Ницше на личности – не просто филологический уклон: акцент на личности – следствие историографической схемы, сформулированной Ницше как раз в то время, когда были написаны эти лекции. Короче говоря, деятельность по исторической реконструкции ценна постольку, поскольку она способна предложить своим читателям целостную картину цветущей жизни (*Gesamtbild*)»⁵ [38, р. 337]. В этом смысле приобретает значение редкое по глубине и силе погружение Ницше в личность Гераклита в лекциях и ФТЭ.

Анализируя доктрину становления у Гераклита Ницше, Дженсен, осознавая ее антитеологический и натуралистический характер, не может отказаться от признания двойственности этой доктрины и полагает ее «окрашенной в цвета дуальной метафизики Шопенгауэра, в которой то, что кажется нашим способностям представления конкурирующими субстанциальными сущностями, является с точки зрения актуального вечным выражением единства космоса» [38, р. 351]. Для Дженсена Гераклит раннего Ницше во многом означает шопенгауэровского художника, а эпистемология раннего Ницше неразрывно связана с эстетической интуицией (*ästhetische Anschauung*) Шопенгауэра.

Дженсен полагает, что рецепция Гераклита у раннего Ницше позволяет выдвинуть теорию справедливости. По его мнению, Ницше использует тезисы Гераклита, чтобы постулировать теорию справедливости «в мире, в котором отсутствует возможность свободного воления. Характер справедливости обеспечивается слепой судьбой и обеспечен физическими космическими условиями. Ницше можно рассматривать, по крайней мере в этом отношении, принимающим теорию справедливости с точки зрения космодицеи» [38]. Далее, по мнению Дженсена, Ницше вчитывает в Гераклита физиогномическую окраску посткантианской теории восприятия. Здесь Дженсен отмечает натурализм Ницше, присутствующий в лекции о Гераклите. Достоверность чувственного опыта соотносится с физиогномическими чертами, такими как частота пульса, сила органов восприятия и т. д. Признаком зарождающегося натурализма Ницше является понимание репрезентации как функции мозга. Наконец, Дженсен отмечает эстетическую интуицию Шопенгауэра как основную познавательную оптику раннего Ницше: Гераклит есть пример шопенгауэровского художника, понявшего себя как «ясное зеркало внутренней природы мира» [38]. В отличие от Вольфарта, считающего, что Гераклит в рецепции Ницше противопоставлен Зороастру и зороастризму, Дженсен полагает, что «Ницше, вслед за Шлейермахером, Велкером, Лассалем и Крейцером, действительно предполагал эту связь – исходил из этой персидской симпатии и тематической общности с персидской религией» [38, р. 354].

⁵ Стоит заметить, что эта концепция выдвинута Ницше намного раньше. Еще в работе над Демокритом Ницше стремится выстроить общую картину (*Gesamtbild*) этой жизни, о чем он сообщает в письме Герсдорфу от февраля 1868 г.

В попытке целостного прочтения Гераклита Ницше в базельский период работа Дженсена явно не дотягивает до скрупулезности Вольфарта⁶. При этом ей не хватает и аналитической ясности аргумента, как у Кокса. С одной стороны, Дженсену удастся выявить несколько значимых и относительно новых мест в чтении Гераклита Ницше, таких как персонализм и космодицея. С другой стороны, он приписывает Гераклиту Ницше образ «шопенгауэровского художника», а становлению – метафизический дуализм.

V. Мэттью Мейер. «Реляционная онтология» Ницше

Мэттью Мейер [45] развивает интерпретацию онтологической позиции Ницше из перспективы Гераклита. Его книга – первая специальная монография на английском языке, посвященная теме Гераклита Ницше. Мейер создает собственную терминологию, полагая Ницше приверженцем «реляционной онтологии» – метафизической позиции, согласно которой «всё существует и является тем, что оно есть, только в связи с чем-то другим» [45, р. 265]. Мейер, таким образом, вносит и иерархию в нарратив Ницше, полагая реляционную онтологию тем основным зерном или главным элементом, который позволяет «объединить натуралистические принципы Ницше, его доктрину становления, его очевидный отказ от [логического] принципа непротиворечия и его перспективизм в единое целое» [45]. Интерпретацию Мейера можно отнести к метафизическим аналитическим интерпретациям, при этом базирующимся на Гераклите. Благодаря Гераклиту, а точнее, вычлененной из рецепции Гераклита во ФТЭ «реляционной онтологии», Мейер также остается на стороне тезиса о последовательности (см., например, [45, р. 117]).

Основной процедурой Мейера является утверждение и обоснование «реляционной онтологии» в различных текстах Ницше. Обращаясь к «Философии в трагическую эпоху», он стремится «установить теоретическую связь между учением Гераклита о единстве противоположностей и его учением о становлении» [45, р. 35]. Определяя становление физикалистски (как базовый тезис об изменчивости, текучести материи), Мейер далее утверждает, что через тезис о единстве противоположностей сущее конституируется противоположными качествами или противоположными силами, которые обязательно соединены друг с другом. Построенное таким образом единство противоположностей влечет за собой то, что всё существует и является тем, чем оно является, только по отношению к чему-то другому. В этом Мейеру видится смысл «реляционной онтологии» Ницше.

Второй тезис Мейера заключается в том, что принятие «реляционной онтологии» у Ницше влечет за собой радикальный отказ от «вещи в себе», позволяет «описывать мир таким образом, который противоречит не только субъектно-предикатной структуре языка, но и общепринятым законам мышления» [45]. По мнению Мейера, двойная приверженность Ницше гераклитовской онтологии (речь идет о *Werden* и единстве противоположностей) с одной стороны и вера в то, что структуры языка и логики каким-то образом фальсифицируют реальность (то, что Мейер называет протагорским перспективизмом), действительно сближают позицию Ницше с позицией Кратила, описанную Аристотелем в *Метафизике*, кн. IV [1].

При этом Мейер занимает простую классическую позицию по поводу истинности: «Проще говоря, Ницше считает реляционную онтологию Гераклита истинной, а отрицание такой онтологии – ложным» [45, р. 41] – переступая границы эпистемологического перспективизма ницшевской мысли, очевидные для Кокса и Дженсена. Применение Мейером классической схемы истинности к собственному, весьма сложному построению приводит в текст такие высказывания, как «Ницше считает, что

⁶ Дженсен иногда допускает досадные ошибки с точки зрения контекста базельских лекций, утверждая, например, что они читались с 1869 г. [38, р. 353]. Подробнее о контексте создания базельских лекций см.: [2].

оптимистическое мировоззрение, которое Сократ привнес в греческую культуру, ложно, тогда как фактический пессимизм, сформулированный в мифе о Силене, а затем заново открытый Кантом и Шопенгауэром, истинен» [45, р. 42].

Одним из сильных мест монографии Мейера можно считать подробный разбор литературы на тему Ницше, Античности и Гераклита, а также блестящий обзор дискуссии о перспективизме Ницше [45, р. 202–210]. При этом контекстное чтение Ницше остается одним из слабых мест. Мейер практически не рассматривает историко-философский контекст рецепции Ницше Гераклита, упуская из виду как процесс подготовки базельских лекций о доплатониках, так и поворотный момент между «Рождением трагедии из духа музыки» (далее – РТ) и «О лжи и истине...», который эта подготовка означает (см.: [2]). В итоге на стр. 128–130 неверно представлено взаиморасположение базельских лекций и ФТЭ. Мейер, таким образом, не прослеживает дистанции между РТ и ФТЭ, полагая эти работы близко связанными «трагической философией». Мейер также недостаточно учитывает необходимость контекстного чтения Гераклита, поэтому бедному Гераклиту приписывается что угодно, от ницшевских мыслей до собственных мыслей Мейера. В конечном счете сложная монография во многом заново поднимает старые вопросы: есть ли у Ницше метафизика? Как рецепция Ницше Гераклита освещает метафизическую позицию Ницше? Последователен ли Ницше в своей онтологической позиции, либо его позиция претерпевает изменения от РТ и «Человеческое, слишком человеческое» (далее – ЧСЧ) и обратно от ЧСЧ к «По ту сторону добра и зла?»

VI. Мэтью Тонс и Джон Мандалиос. Становление и неопределенность

Одну из проблем становления у Ницше, вновь обозначенных Мейером, а именно то, что для возможности мыслить становление необходима метафизика (или некий метафизический остаток, называемый иногда «тонкой онтологией» (см.: [47])), решают М. Тонс и Д. Мандалиос (2015) с помощью понятия «неопределенности». Авторы [64] еще раз подчеркивают преимущество зрелой концепции *Werden* и гераклитовского становления в ранних работах Ницше, при этом отмечая связь анаксимандрова вопроса (апейрон – становление), через который Ницше приступает к Гераклиту, с Шопенгауэром (воля – представление). Тонс и Мандалиос полагают, что Ницше не сразу удается отказаться от кантовского дуализма, присущего и метафизике воли и представления, но на этом пути работа над Гераклитом и связанная с ней рецепция идей физика Руджера Иосипа Бошковича в 1873 г. сыграли основную роль. Тем самым авторы статьи развивают тезис Шлехты и Андерс.

По мнению авторов, физика экстремальных точек Бошковича стала для Ницше необходимым дополнением концепции становления Гераклита, заполнив теоретический разрыв, возникающий из-за проблемы «неопределенности». Проблема неопределенности сформулирована так: если физический мир представляет собой лишь становление, или пульсирующую колебательную динамику, каким образом мыслить «остаток» этого становления, такой как бесконечность времени или телеологическая неопределенность, в рамках которой становление становится? Таким образом, возникает потребность отыскать в имманентной теории продолжительности (темпоральной бесконечности) становления. Гераклит дает, по мнению авторов, один (мифологический) ответ: «мир – это игра» (B52), а Ницше добавляет: «не воспринимайте ее слишком серьезно». По мнению авторов, далее Ницше обращается к Бошковичу за вторым и, возможно, более удовлетворительным секулярным и онтологическим ответом на вопрос о неопределенности бесконечного. В конце концов, теория бесконечного Бошковича дополняет гераклитовское становление у Ницше.

Достижение Бошковича заключается в том, что он формулирует теорию саморазвивающейся бесконечности на границах колебаний. В теории Бошковича имеются

два случая бесконечности, которые существуют на противоположных полярностях: один – как крайняя точка отталкивающей силы, которая служит для того, чтобы вернуть уходящую силу обратно в качестве ее противоположности, а другой – в точках крайнего напряжения притяжения, где аналогичным образом притягивающая сила становится своей противоположностью. В пределах существования также существует возможность бесконечного встраивания новых временных точек. Существование выступает в качестве перемирия между этими двумя точками бесконечности, которые поддерживают поток становления: «Эта пропасть бесконечного на внешних границах модели Бошковича предоставила Ницше продвинутую концептуальную модель для пересмотра антропоморфной позиции гераклитовской модели, а также для объяснения восстановления апейрона без регрессии к метафизике. Он создал вселенную, границы которой постоянно развиваются, подобно амебе Ницше, где усиление и рассеивание происходят в соответствии с колебаниями приближения и отталкивания бесконечно, согласно их собственным внутренним отношениям становления» [64].

VII. К дальнейшей дискуссии

В 2021 г. вышла статья известного американского исследователя Пола Лёба «Гераклитова доктрина Ницше о вечном возвращении» [43], свидетельствующая как об актуальности вопроса рецепции Гераклита Ницше, так и о том, что еще многое предстоит сделать, по крайней мере в англоязычном ницшеведении, для помещения Гераклита Ницше в историко-философский контекст. В своем исследовании Лёб стремится решить проблему вечного возвращения, обозначенную Тонсом и Мандалиосом (а еще ранее – Хайдеггером [8; 9] и Левитом [44]), с помощью гераклитова понятия потока (фр. 12, 91). За отсутствием места для предметного обсуждения отметим лишь, что работе Лёба столь же остро не хватает контекстного анализа ранних работ Ницше о Гераклите и *Nachlass* того периода, как и более ранним рассмотрением. Помимо основного вывода о необходимости специального контекстного анализа рецепции Гераклита у Ницше, к которому приводит настоящий обзор литературы, можно выдвинуть несколько дополнительных соображений.

В зависимости от глубины и приверженности интерпретатора «гераклитству» Ницше можно говорить об одновременной его приверженности и тезису о последовательности (*continuity thesis*); примером такого подхода является работа Вольфарта. С другой стороны, относительное безразличие к «гераклитству» Ницше выглядит важным условием для формулирования интерпретации, утверждающей наличие разрывов в ницшевской философской позиции, – например, у Кларк и Лёба. Анализ рецепции Гераклита у Ницше позволяет интерпретаторам объединить различные тезисы Ницше на основе артистической философии и метафоры «дитя играющее», тем самым утверждая *continuity thesis* (Вольфарт), рассматривая онтологию и эпистемологию Ницше через единство становления (Кокс) или выстраивая иерархическую систему в философии Ницше с приматом онтологического тезиса (Мейер).

В последние десятилетия заметны как постепенная специализация, так и признание значимости контекста и полноты рассмотрения источников Ницше. Тем не менее, в современных специальных исследованиях до сих пор слишком мало внимания уделяют базельским лекциям Ницше о доплатониках. Примером может служить интерпретация Мейера, построенная на ФТЭ без учета лекций. Кроме того, бросается в глаза отличающаяся немецкоязычная ницшеведение от англоязычного, в особенности американского, разница в интерпретациях. Если первое, теряя «уверенность в себе», довольствуется в основном историко-философскими штудиями без претензий на философскую позицию, то второе, как правило, демонстрирует амбициозность в поисках нового философского прочтения, но часто не учитывает контекст и допускает ошибки. Редким

исключением из этих двух лагерей выглядит работа Гюнтера Вольфарта, в которой подробный разбор рецепции Ницше фрагмента В52 и частичный разбор рецепции других фрагментов соединен с попыткой более общей интерпретации философии Ницше с точки зрения приоритета тезиса об игре.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. Кн. IV. С. 118–152.
2. Бисеров Г.В. Базельские лекции. Историко-философская реконструкция (в печати).
3. Зелинский Ф.Ф. Фридрих Ницше и античность // Ницше: Pro et contra: антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 966–980.
4. Колесников И.Д. Фридрих Ницше и античность: Образ классической древности в немецкой гуманитарной мысли XVIII–XX веков. М.: Культурная революция, 2020. 432 с.
5. Ницше Ф. Эссе Homo // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. 408 с.
6. Ницше Ф. О пафосе истины // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2006. Т. 1. Ч. 1. 416 с.
7. Фаритов В.Т. Трансгрессия в античной философии: Ницше и досократики // Философская мысль. 2016. № 12. С. 105–114.
8. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
9. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 2. 464 с.
10. Abel G. Nietzsche: Die Dynamik der Willen zur Macht und die ewige Wiederkehr. Second Edition. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1998. 471 S.
11. Ansell-Pearson K. Circumnavigators of life's remote and dangerous regions: Nietzsche and the pre-platonic philosophers // Journal of the Dialectics of Nature. 2017. Vol. 39. No. 3. DOI:10.15994/j.1000-0763.2017.03.01.
12. Arana J.R. Nietzsche: de Heráclito al mundo // Estudios Nietzsche. 2011. No. 11.
13. Babich B. Nietzsche's Preplatonic Philosophers: Diogenes Laërtius, 'Personality,' and the 'Succession' of Anaxagoras. N.-Y.: Fordham University, 2018. P. 1–27.
14. Bambach C. Heraclitean justice between Heidegger and Nietzsche // Heidegger & Nietzsche / ed. by Babette Babich, Alfred Denker & Holger Zaborowski. Amsterdam; New York, 2012. P. 235–245.
15. Berry J.N. Nietzsche and the Ancient Skeptical Tradition. Oxford: Oxford University Press, 2010. 248 p.
16. Bertram E. Nietzsche: Attempt at a Mythology. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 2009. 424 p.
17. Borsche T. Nietzsches Erfindung der Vorsokratiker // Nietzsche und die philosophische Tradition / ed. Josef Simon. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1985. P. 62–87.
18. Brown Kr. Nietzsche and embodiment: discerning bodies and non-dualism. N.-Y., Albany: State University of New York Press, 2006 (Online Access to Whole Book).
19. Campioni G., Müller-Buck R. Nietzsche Personliche Bibliothek. Berlin; New York: De Gruyter, 2003. 736 p.

20. Cancik H. *Nietzsches Antike: Vorlesung*. Stuttgart: J.B. Metzler, 1995. 228 p.
21. Carrión Caravedo Ú. *La buena Eris: reflexiones en torno a la lógica agonal en Heráclito y Nietzsche // Instantes y azares: escrituras nietzscheanas*. Buenos Aires, 2012. Año 12. No. 10. P. 37–54.
22. Choulet P. *Nietzsche versus Héraclite: Nietzsche qui rit, Héraclite qui pleure // Nietzsche: philologue et philosophe / textes réunis par Anne Merker*. Strasbourg, 2016. P. 143–168.
23. Ciaravolo P. *Nietzsche eracliteo*. 2 ed. Roma: Aracne, 2007. 212 p.
24. Clark M. *Nietzsche on Truth and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 298 p.
25. Cox C. *Nietzsche: Naturalism and Interpretation*. Berkeley: University of California Press, 1999. 294 p.
26. Cox C. *Nietzsche's Heraclitus and the doctrine of becoming // International studies in philosophy*. 1998. Vol. 30. No. 3. P. 49–63.
27. D'Iorio P. *L'Image des philosophes préplatoniciens chez le jeune Nietzsche // Centauren-Geburten. – Wissenschaft, Kunst und Philosophie beim Jungen Nietzsche*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. P. 383–417.
28. Daw-Nay Evans N.R. Jr. *Nietzsche and classical Greek philosophy: beautiful and diseased*. Lanham [u.a.]: Lexington Books, 2017. 150 p.
29. Dellinger J. *In summa bereitet die Wissenschaft eine souveräne Unwissenheit vor. Nietzsches Wissenschaftsbegriff zwischen Selbstaufhebung und Wille zur Macht // Nietzsches Wissenschafts-Philosophie / eds. H. Heit, G. Abel, and M. Brusotti*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. P. 149–160.
30. Gentili C. *Das «gefährliche südlichere Eiland» aus FW 372: Quellen aus Heraklit 22 B 56 D.K. und Aristoteles Fr. 76 Rose // Nietzsche-Studien*. Berlin; Boston, 2017. Bd. 46. S. 245–248.
31. Gerhardt V. *Die Metaphysik des Werdens: Über ein traditionelles Element in Nietzsches Lehre von 'Willen zur Macht' // Nietzsche und die philosophische Tradition / ed. Josef Simon*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1985. S. 9–33.
32. Goedert G. *Heraklit als Quelle ästhetischer Welterfahrung: zu Nietzsches Heraklit-Rezeption // Brücken schlagen...: "Weit draußen auf eigenen Füßen": Festschrift für Fernand Hoffmann, eds. J. Kohnen, H.-J. Solms, and K.-P. Wegera*. Frankfurt: Peter Lang, 1994. S. 67–82.
33. Goedert G. *The Dionysian Theodicy // Studies in Nietzsche and the Judaeo-Christian Tradition*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1985. S. 319–340.
34. Guarde-Paz C. *Nachweis aus Jacob Bernays, Heraklitische Studien, in: Rheinisches Museum 7 (1850) // Nietzsche Studien*. 2012. Vol. 41 (1). S. 356.
35. Guarde-Paz C. *Nachweise aus Eduard Zeller, Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung (1869) und Jacob Bernays, Die heraklitischen Briefe (1869) // Nietzsche Studien. – 2012. – Vol. 41 (1). S. 364–367*.
36. Heit H., Jensen A.K. *Nietzsche as a Scholar of Antiquity*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2014. 320 p.
37. Hershbell J.P., Nimis S.A. *Nietzsche and Heraclitus // Nietzsche Studien*. 1979. Vol. 8. P. 17–38.
38. Jensen A.K. *Nietzsche's Interpretation of Heraclitus in Its Historical Context // Epoché: A Journal for the History of Philosophy*. Spring 2010. Vol. 14. Iss. 2. P. 335–362.
39. Kirk G.S., Raven J.E. *The Presocratic Philosophers*. Cambridge: University Press, 1957. 490 p.

40. Knight A.H.J. *Some Aspects of the Life and Work of Nietzsche*. Cambridge: The University Press, 1933. 194 p.
41. Kofman S. Nietzsche et l'obscurité d'Héraclite // *Furor*. 1986. No. 15. P. 3–33.
42. Levrini I. Forma breve e filosofia: Eraclito e Nietzsche // *Configurazione dell'aforisma ricerca sulla scrittura aforistica / dir. da Corrado Rosso*. Vol. 2 / a cura di Gino Ruozzi. Bologna: CLUEB, 2000.
43. Loeb P.S. Nietzsche's Heraclitean Doctrine of the Eternal Recurrence of the Same // *Nietzsche-Studien*. 2021. Vol. 50. No. 1. P. 70–101.
44. Löwith K. *Nietzsche Eternal recurrence*. London: University of California Press, 1997. 276 p.
45. Meyer M. *Reading Nietzsche through the Ancients*. Boston; Berlin: Walter de Gruyter, 2014. 317 p.
46. Mills P. La philosophie entre art et science: l'opposition Héraclite-Parménide dans «La philosophie à l'époque tragique des Grecs» // *Nietzsche. Les premiers textes sur les Grecs / sous la direction de Céline Denat & Patrick Wotling*. Reims, 2016. P. 267–284.
47. Mitchell J. A Nietzschean Critique of Metaphysical Philosophy // *Journal of Nietzsche Studies*. 2017. Vol. 48. No. 3. P. 347–374.
48. Mueller-Lauter W. *Über Werden und Willen zur Macht. Nietzsche-Interpretationen I*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1999. 398 S.
49. Müller E. *Die Griechen im Denken Nietzsches*. Berlin: De Gruyter, 2005. 292 S.
50. Nehamas A. *Nietzsche: Life as Literature*. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 261 p.
51. Parkhurst W.A. B. *Nietzsche and Eternal Recurrence: Methods, Archives, History, and Genesis: dissertation*. – University of South Florida, 2021. 293 p.
52. Poellner P. *Nietzsche and Metaphysics*. Oxford: Clarendon Press, 2000. 336 p.
53. Przybyslawski A. Nietzsche contra Heraclitus // *The journal of Nietzsche studies*. 2002. Vol. 23. P. 88–95.
54. Rapp C. Friedrich Nietzsche et la philosophie préplatonicienne // *L'art de bien lire: Nietzsche et la philologie / textes réunis par Jean-François Balaudé et Patrick Wotling*. Paris: Vrien, 2012. P. 187–215.
55. Rattner J. Nietzsche und Heraklit // *Miteinander lebenlernen*. 1994. Jg. 19. Berlin, H. 6, S. 2–10.
56. Reginster B. The Paradox of Perspectivism // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2001. No. 42. P. 217–233.
57. Reschke R. «Die Welt ist ein Spiel des Zeus...»: Friedrich Nietzsches ästhetische Sicht auf Heraklit // *Heraklit im Kontext / hrsg. von Enrica Fantino*. Berlin; Boston, 2017. S. 485–506.
58. Richardson J. *Nietzsche's System*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 316 p.
59. Rorty R. *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 201 p.
60. Rosciglione C. Apollineo e dionisiaco nell'interpretazione nietzscheana di Eraclito // *Apollineo e dionisiaco: prospettive e sviluppi con Nietzsche e oltre Nietzsche / a cura di Simona Bertolini*. Roma: ARACNE, 2010. P. 63–76.
61. Schacht R. *Nietzsche*. New York: Routledge & Kegan Paul, 1983. 546 p.
62. Schlechta K., Anders A. *Friedrich Nietzsche. Von Den Verborgenen Anfängen Seines Philosophierens*. Stuttgart: F. Fromann, 1962. 171 S.
63. Thomson I. Interpretation as Self-Creation: Nietzsche on the Pre-Platonics // *Ancient Philosophy*. 2003. Vol. 23. Iss. 1. P. 195–213.

64. Tones M., Mandalios J. Nietzsche's actuality: Boscovich and the extremities of becoming // *The journal of Nietzsche studies*. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 308–327.
65. Tóth-Kovács L. Der rechte Schüler Heraklits: Geschichtsauffassung bei Friedrich Nietzsche // *Krisen als Wendepunkte: Studien aus dem Bereich der Germanistik; Beiträge zur V. Internationalen Germanistentagung an der Christlichen Universität Partium Großwardein / Nagyvárad / Oradea, 6–8. September 2012 / Hrsg. von János Szabolcs...* Wien, 2015. S. 55–67.
66. Voelke A.-J. La figura d'Héraclite dans la pensée du jeune Nietzsche // *Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie*. 1990. Bd. 37. S. 119–135.
67. Whitlock G. *Pre-Platonic Philosophers*. Chicago: University of Illinois Press, 2001. 287 p.
68. Wilkerson D. *Nietzsche and the Greeks*. London; New York: Continuum, 2006. 192 p.
69. Wohlfart G. «Also sprach Herakleitos»: Heraklits Fragment B 52 und Nietzsches Heraklit-Rezeption. Freiburg; München: Alber, 1991. 384 S.

HERACLITUS IN NIETZSCHE'S PHILOSOPHY: TOWARDS A CONTEMPORARY DISCUSSION (1980– 2020)

G.V. Biserov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

The paper analyses the contemporary scholarly debate on the role of Heraclitus in Nietzsche's works. It offers clear criteria for systematizing approaches to this topic, concentrating on some selected examples of studies by A. Jensen, M. Tones and J. Mandalios and on the more general interpretations by G. Wohlfart, C. Cox and M. Meyer which establish a correlation between the attempts at a specific analysis of Nietzsche's view of Heraclitus and the general postulates of Nietzsche's philosophy. The analysis focuses on Nietzsche's ontological thesis of becoming (Werden) and epistemological theses on truth and intuition. We find out that a full-fledged historical-philosophical reconstruction of Heraclitus' role in Nietzsche's philosophy has not yet taken place and should be a goal for further research.

Keywords: *Nietzsche, Heraclitus, ontology, epistemology, being, becoming, Werden.*

Об авторе:

БИСЕРОВ Глеб Владимирович – аспирант, стажер-исследователь, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия. E-mail: gleb.biserov@gmail.com

Author information:

BISEROV Gleb Vladimirovich – PhD student, trainee researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: gleb.biserov@gmail.com